

1860

Антон Павлович Чехов

1960

Гордость русской культуры

НАШЕ знакомство с творениями русского гения, имя которого А. П. Чехов, начинается очень рано. В детстве мы с волнением выслушивали трогательный рассказ о Ваньке Жукове, пишущем на деревню дедушке письмо с жалобой на свою горемычную судьбу. Нас пленяет увлекательная история Васьки, забитой, несчастной. А сколько радости доставляет нам, когда мы, повзрослев, самостоятельно беремся за книги Чехова, — веселый, задорный юмор его шедевров, в которых осмеиваются алогичности былых российских обывателей. Кто не смеялся, читая рассказы «Хирургия», «Хамелеон», «Унтер Пришибеев», «Толстый и тонкий», «Смерть чиновника»? Но, возвращаясь к рассказам о чеховском произведении, переписывая их, мы все чаще и чаще открываем в них новые стороны. Сквозь беззаботный смех ясно прослеживается тревожное беспокойство, а порой и гнев писателя.

Как свидетельствуют люди, близко знавшие Чехова, он был предельно скромным, деликатным и чужим человеком. Его голубые, полные мысли глаза, пылливо и взыскательно смотревшие на мир, казались, изучали доброту. Но чуждость и доброта не мешали ему быть безжалостным и беспощадным ко восточным уродствам жизни — пошлости, кривизне, лжи, хамству, деспотизму. С большой впечатлительностью, трепетом, правдиво и по-чеховски просто рисуя современную ему жизнь, он убедительно показывал в своих произведениях ее пороки, порождения буржуазно-помещичьего строя. Продолжая лучшие традиции русской классической литературы, традиции Гоголя, Салтыкова-Шчурина, наивысших сокрушительных удары по самодержавию и крепостничеству, Чехов беспощадно клеймил гнет, произвол, рабскую покорность, умственный застой — все, что давило народ, мешало ему идти к лучшей жизни.

В своих обличениях писатель поднялся до больших высот социальных обобщений. Унтер Пришибеев — это символ тупости, ограниченности, насилия. В Чехове пришибеиштина наша гневного и последовательного обличителя. К этой теме писатель возвращался неоднократно. В пору творческой зрелости он с потрясающей силой показал в рассказе «Палата № 6» чудовищный произвол самодержавно-бюрократического режима, превратившего страну в огромный тюрьму, где безраздельно властвует тупой и жестокий смотритель из больницы для умалишенных. «Когда я дочитал вчера вечером этот рассказ», — выразил сестре свое впечатление молодой Ленин, — мне стало прямо-таки жутко, я не мог оставаться в своей комнате, я встал и вышел. У меня было такое ощущение, точно я и заперт в палате № 6».

В РАССКАЗАХ Чехова нет ничего такого, чего не было в окружающей его действительности. Его отличительная особенность именно в том и состоит, что он никогда ничего не выдумывал, не изображал того, чего не знал. Он был верен жизненной правде и когда разоблачал пришибеишину во всех ее проявлениях и отрицательной сущности, и когда создавал страшную картину того, как «его преподобный» капитал, вторгаясь в русскую деревню, нес с собой разорение, нищету, голод, порождал сельских хищников-кулаков. Чеховские повести «Мужики», «В овраге», «Новая дача», рисуя яркую картину крестьянской жизни в условиях буржуазно-капиталистического строя, не оставляют сомнений в том, на чей стороне симпатии писателя. Они на стороне тех простых людей, которых капитализм мучил, душил, лишил радости жизни.

Показывая уродства эксплуататорского общества, омерзительность паразитизма, духовного и физического порабощения человека, Чехов был беспощаден к позорно-тоскливому мешковатому бытию. На эту тенденцию в чеховском творчестве одним из первых обратил внимание А. М. Горький. В письме к Чехову в 1900 году он писал: «Огромное впечатление на вас, мои маленькие рассказы, — возбуждая в людях отвращение к этой сонной, полумертвой жизни...».

Жизнь без общественных идеалов и стремлений, без служения народу,

по убеждению писателя, ничтожно, никуда, безразлична и униженна. Его рассказы «Крыжовник», «Ионыч» и многие другие говорят, что нельзя ограничивать себя эгоистическими рамками, что жить следует лучше, чище, полезнее.

А. П. Чехов был писателем-гражданином в полном и глубоком значении этого слова. «...Я чувствую», — говорит литератор Григорин, герой чеховской пьесы «Чайка», — «что если я писатель, то я обязан говорить о народе, о его страданиях, об его будущем, говорить о науке, о правах человека...». В этих горячих словах выражены глубочайшие убеждения автора пьесы. Он неустанно интересовался жизнью своей страны, народа. Это был, по меткому замечанию А. М. Горького, интерес большого друга России, друга умного, беспристрастного, правдивого, любящего.

НА ЛИТЕРАТУРНУЮ работу писатель смотрел как на свой гражданский долг. Нет, он не был беспристрастным летописцем, и жизнь он наблюдал не со стороны, а целиком погружаясь в ее повседневные заботы, активно занимаясь общественными делами. То Чехов строил сельскую школу, то хлопотал об открытии больницы для трудового люда, то принимал участие в переселении населения, помогал погорельцам, голодающим, ходатайствовал о стипендии бедным студентам, давал совет переселенцам. Жажда общественной деятельности, вмешательство в житейские дела заставляла его отправиться в далекие путешествия на Сахалин, чтобы изучить на месте жизнь каторжан. Чехов не устал ни в бюрократических рождках, которые пришлось преодолеть для осуществления своего замысла, ни в немощных трудностях пути. Вот он стоит у Енисея и думает о том, «какая полная, унылая и смелая жизнь освещает со временем эти берега». Мечту о лучшей жизни, веру в нее и оживание красивой, полноценной жизни писатель пронес до конца своих дней.

Писатель видел в русской жизни, в русском народе качества, составлявшие предмет его гордости и великих упований. Он неустанно говорил об одаренности русских людей, воспринимая замечательными чертами характера. «Боже мой», — восклицал Чехов, — «как богата Россия хорошими людьми!». Писатель нежно и чуждо любил родину, и все его произведения одухотворены горячим патристическим чувством.

Нежность к своему бытию, к уродствам эксплуататорского общества, ко всему старому, гнилому обличает Чехова, несмотря на резкие творческие отличия, с Горьким, с которым он был связан узами тесной дружбы. Есть еще другие особенности чеховского творчества, которые роднят его с основоположником социалистической литературы, — это стремление пробудить в людях активное, деятельное отношение к жизни, признание огромной нравственной, облагораживающей роли труда, преклонение перед трудовой деятельностью человека.

Никто из писателей, как свидетельствует М. Горький, не чувствовал так глубоко и всесторонне значение труда, его поэзию, как Чехов. О труде он писал с подлинным вдохновением. И думается, в этом заключена притягательная сила его произведений, в этом «секрет» огромной популярности Чехова в нашей стране и за ее рубежами.

БЛИЗОСТЬ Чехова к Горькому

наглядно проявляется в их гуманным подходе к человеку, в их уважении к его достоинству, в их объемлющей вере в человека. В этом отношении они оба являлись гениальными выразителями наиболее замечательных черт русского национального характера — подлинно народного гуманизма.

Предъявляя к жизни высокие требования, Чехов хотел видеть людей красивыми, гармоничными. «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли», — говорит в пьесе «Дядя Ваня» доктор Астров, выражая тот нравственный критерий, исходя из которого писатель создавал порт-

реты своих положительных героев. Смесь в рассказе «Человек в футляре» над беднягой, он жадно искал смелых, честных, преданных делу народа людей, людей подвига и ясно осознанной цели. Таков, например, доктор Лымов из рассказа «Попрыгунья». Подобные народные «попрыгунчики», говорил Чехов, «нужны, как солнце». И разве не заключен глубокий смысл в том, что советская девушка, ставшая народной героиней, Зоя Космодемьянская, выписала в свой дневник чеховские слова о человеке, в котором все должно быть прекрасным.

ДОКТОР Астров мечтает о том, как сказочно красива будет жизнь родной страны. Своим трудом украшает землю, насаждая леса, убежденный, что жизнь должна быть изменена. Но кто изменит ее, кто совершит в ней переворот, кто сделает ее, нудную и несправедливую, целестрепленной, осмысленной, красивой, — ни Астров, ни другие чеховские герои не знают.

Чехов вступил в литературу в начале 80-х годов прошлого столетия, в пору мрачной реакции. Умер он в расцвете сил в канун первой русской революции, в 1904 году. В этот период возникла и организационно оформилась самая революционная партия рабочего класса — партия большевиков, которая и повела русский народ на штурм буржуазно-монархического строя. Чехов не был революционером, но своим чутким писателем-художником он угадывал, как в массах зрела идея революции, и передал в своих творениях народные чаяния революционных событий. «Пришло время», — говорит один из героев пьесы «Три сестры», — «наступает на всех нас громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идет, уже близка и скоро сдует с нашего общества лень, равнодушие, предубеждение к труду, гнилую скуку».

ОЧИСТИТЕЛЬНАЯ буря, о которой мечтал Чехов, которую он ждал, разразилась в октябре 1917 года. Русский народ, руководимый большевистской партией, уничтожил мир насилия. Вместе с этим миром канули в бездну бездумные чиновники, бюрократы и тупые полицейские притеснители с их нудным мешковатым, агонистическим интересом и авириной ненавистью к трудовому народу, так беспощадно заклейменные Чеховым.

Как художник слова, как стилист Чехов, по определению М. Горького, неогосаеи. Он в совершенстве владел даром писать так, чтобы «словам было тесно, мыслям просторно». Чехов довел искусство повествования до высшей степени совершенства. После самого незначительного вступления к рассказу, писал Горький Чехову, — все кажется грубым, напущенным не пером, а точно поленом».

В области драмы Чехов выступил подлинно большим новатором: он реформировал театр, дал ему новое направление, сообщил ему новые, оригинальные черты. Пусть, говорил Чехов, на сцене будет так же просто и так же сложно, как и в жизни. Эту идею драматурга воплотил в своих замечательных пьесах «Иванов», «Дядя Ваня», «Чайка», «Три сестры», «Вишневый сад».

Обогатив русскую и мировую литературу, Чехов оказал огромное влияние на многих зарубежных писателей. В этом глубоко убеждают их высказывания, в которых — и признание огромного вклада внесенного Чеховым в художественную сокровищницу, и искреннее восхищение его талантом, и слова бесконечной благодарности русскому гению за его труд и творческий подвиг.

СЕГОДНЯ Советская страна, все прогрессивные люди отмечают столетие со дня рождения Антона Павловича Чехова. Его творчество, явившись новым шагом в духовном развитии человечества, составляет гордость русской культуры. Советские люди любят и высоко ценят произведения великого русского писателя.

Кандидат филологических наук

Н. ШИМАНОВ.

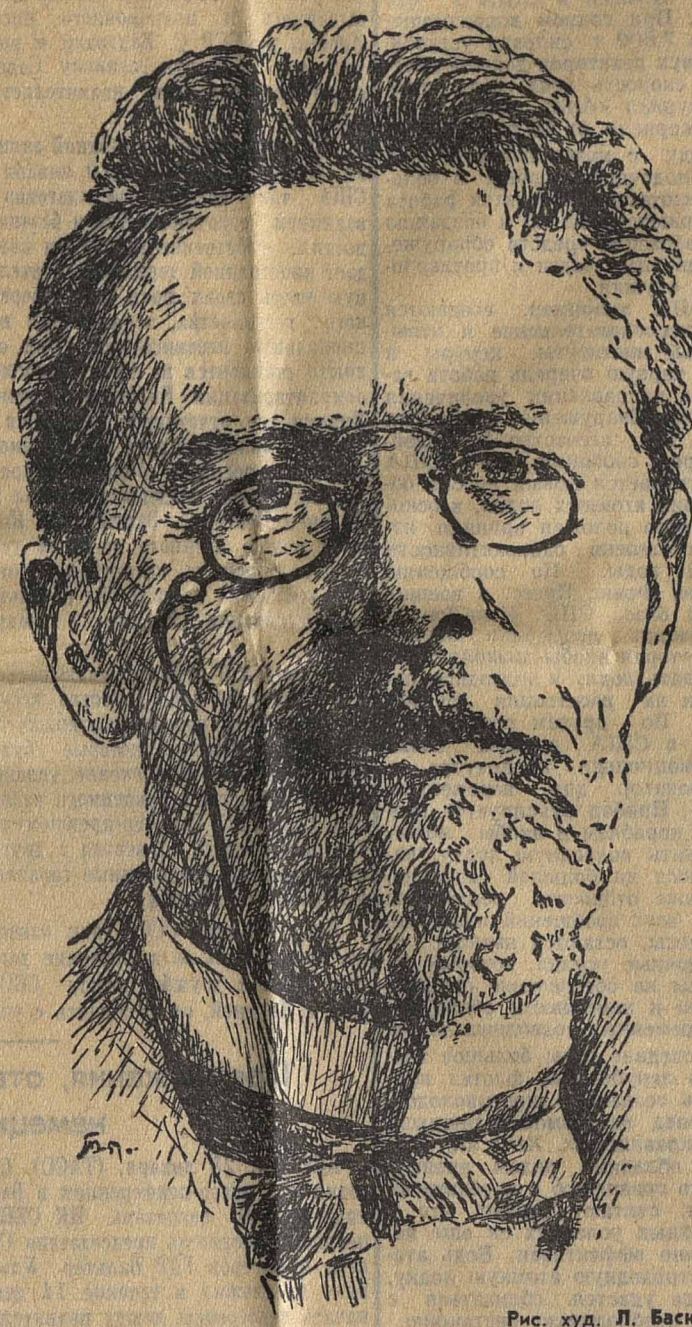

Рис. худ. Л. Баскина.

Две страницы истории

1.

Заметки писателя

С первым весенним солнышком 21 апреля 1880 года Антон Павлович Чехов выехал из Москвы на остров Сахалин. Путь был долгим и трудным.

В девять часов утра 10 июля, когда пароход подошел к Сахалину, на берегу горела тайга. «Сквозь потемки и дым, ставший по морю, я не видел пристани и построил и мог только разглядеть тусклые постовые огоньки... Страшная картина, грубо скошенная из потемок, силуэтов тор, дыма, пламени и огненных искр, казалась фантастическою».

«Так впервые увидела Чехову «каторжный» остров — Сахалин. Позже он напишет: «Сахалин представляется мне целым адом».

Конечно, Чехов был внутренне подготовлен к тому, что увидит на Сахалине нечто ужасное, и все-таки день за днем, приглядываясь к жизни и порядкам на острове, к людям, искалеченным, надломленным, опустошенным каторгой, он содрогался.

Александровский пост тогда еще не успел стать городом Тоггасандровским: тут и там стояли топоры — умелые и молчаливые люди строили столицу «каторжной державы». Чехова поразило, что хуже всего, грязнее и неустоимее жили здесь сами строители. Нили они в юртах-землянках. Сырость в этих погребках была ужасная. Спали люди в полушубках.

«К этой массе труда и борьбы», — напишет он впоследствии в книге «Остров Сахалин», — «когда в трудные работы по пою в воле, прибавить морозы, холодные дожди, тоску по родине, обиды, розги — и в воображении астанут страшные фигуры...».

Особенно мрачное впечатление осталось у Чехова от посещения утюжных копей в Дуэ. «Южнее Александровска», — заносит он запись в свою тетрадь, — «по западному побережью есть только один населенный пункт — Дуэ, страшное, безобразное и во всех отношениях дрянное место».

Еще до поездки на Сахалин Чехов поставил себе условие: факты и только факты. И он старается выдерживать это условие, рассуждая, как работник сахалинского завода, и кажется, что у расквашенной холы под кожей жваки... Вот шахтер берет пудовые, тяжелые санки и ползет темным, сырým подземным коридором, вот он нагужает санки углем и снова в крошечной слепой тьме ползет, ползет: каждый каторжный должен подняться вверх с санками не менее тринадцати раз в день...

Но не только жизнь и труд сахалинских шахтеров потрясли Чехова, этого величавого и родного чистого певца любви к человеку. Не в лучшем виде предстали перед ним и сахалинские земледельцы. Жалкие клочки огорода на каменистых склонах сопот; деревянные сохи и люди, отчаявшиеся дождаться когда-нибудь сытого дня...

Всего же больше гнев и печаль Чехова вызвали увиденные им здесь картины почти первобытной дикости, темноты, суеверий. Факты, только факты... И все-таки в какую-то минуту сердце художника не выдерживает. И тогда на бумагу ложатся такие строки:

«Широко, сверкающее от солнца море глухо шумит внизу, далекий берег соблазнительно манит к себе, и становится грустно и тоскливо».

Нефть Сахалина — это теперь не только Оха, это — Эхабский, Восточный, Паромайский и другие промыслы. Сахалинские нефтепромыслы —

Дыхание жизни

У нас на эсминце широко отмечается 100-летие со дня рождения великого русского писателя А. П. Чехова. Проводятся чеховские чтения, оборудована выставка произведений гениального писателя, специальный номер корабельной газеты посвящен славному юбилею. Военные моряки любят Чехова.

Мне напоминает такой случай. Получил я назначение на должность помощника командира эскадренного миноносца. Пришел в порт, а корабль, оказывается, уже вторую неделю в плавании. Оперативный дежурный сообщил, что вечером эсминец возвратится в базу. Действительно, в указанный час корабль прошел боновые ворота, четко выполнил необходимый маневр и быстро ошвартовался к причалу.

Командир принял меня радушно и тут же представил офицерам. Мне хотелось скорее познакомиться с командой и личным составом. Из кают-компании я спустился в третий кубрик. Кто-то из матросов готовился к увольнению на берег, а остальные молча и без обычного азартного стука играли в домино. Я представился, подсел к играющим, но разговор почему-то не клеился. На мои вопросы моряки отвечали одним-двумя словами и скорее по долгу службы, чем из желания поддержать разговор. Сначала в углу переключился. Я понял, что рассказ им тоже нравится.

Постепенно я вошел в роль тещи. Аудитория все больше оживлялась. Последние строки рассказа потону-

ли в громком хохоте моряков. Потом читал отрывки из «Севдбы». Из соседних помещений прибегали матросы посмотреть, что происходит в нашем кубрике, да так и оставались здесь.

Так состоялось мое первое знакомство с моряками эсминца. Антон Павлович Чехов полюбился мне с раннего детства. Рассказ «Ванька» будоражил душу, и сколько я ни перечитывал его — дело заканчивалось слезами. С произведениями А. П. Чехова я не расставался ни на Балтике, ни под Ленинградом в дни блокады, ни в последующие годы службы. Везде, где бы я ни был, Чехов помогал мне находить путь к человеку. В работе с людьми мне часто приходится использовать произведения Антона Павловича, в которых Горький слышит тихий, глубокий вздох чистого, истинно человеческого сердца.

Я побывал во многих местах, связанных с именем А. П. Чехова, — в Таганроге, Ялте, Москве, и получил от этого огромное удовлетворение.

Капитан 3 ранга Н. ВДОВИЧЕНКО, старший помощник командира эсминца.

Радость встречи

Шел 1944 год. Войска 4-го Украинского фронта начали бой за Перекоп. Приморская армия захватила плацдарм на Керченском полуострове.

Наше подразделение разместилось у старого пролива в казематах старой Керченской крепости и блиндажах. Вечерами при свете котлилки, сделанной из медной гильзы, мы читали рассказы А. П. Чехова. Вид книги, обгоревшей, истерзанной, говорила о том, что она проделала большой путь в военное время.

Рассказы читались вслух. Надо было видеть, как устало от многодневных боев и походов люди жадно ловили каждое слово писателя. Здесь, на переднем крае, воины думали о светлой, радостной и счастливой жизни, которую воспеваи Антон Павлович.

Ранним апрельским утром мощно заговорили наши орудия. После артиллерийской бойни пошли в атаку. Враг дрогнул и стал отступать. В поре еще не полностью закончились уличные бои, а группа моряков уже направилась к чеховскому дому-музею.

И вот перед нами металлическая ограда. За нею — небольшая дом, сад, посаженный руками Чехова. Настречу морякам вышла пожилая, совсем седая, усталая женщина с унылыми глазами. Это сестра писателя — Мария Павловна. Она была растрогана визитом моряков, которым дорого имя ее великого брата.

Много пришлось пережить Марии Павловне в годы фашистской оккупации. Двадцать девять месяцев несла она свою мужественную вахту. Сколько трудов стоило Марии Павловне сохранить дом-музей, дорогие каждому советскому человеку реликвии, собрать собрание Социниев В. И. Ленина, папку с делами Ялтинского горсовета, депутатом которого она являлась.

Через несколько месяцев после освобождения Ялты дом-музей был открыт для экскурсантов. Особенно много в те дни побывало в музее воинов Советской Армии и Военно-Морского Флота. Один из участников боев за Крым закончил запись в Книге посетителей выразил думь многих воинов: «Мы пришли издалека, чтобы почтить память нашего великого русского писателя... Пройдет сто лет, а к дому Чехова не зарастет народная тропа».

А. ПОЛКОВ, капитан-лейтенант запаса.

Волнующие творения

В свое время А. П. Чехов писал: «...Грязен, туп, ленив, безграмотен и ласчен Таганрог». А сейчас? Неузнаваемо, точно в сказке, изменилось все кругом. В городе появились институты, техникумы, школы, кинотеатры, дворцы культуры, рабочие клубы, театры, лесные сады, больницы, санатории, музеи, библиотеки, огромные заводы и фабрики. Вдоль построен и красен наш зеленый город Таганрог!

Произведения А. П. Чехова я читал с большим удовольствием еще в школьные годы. Перечитывая их заново, я вновь и вновь убеждаюсь в огромной художественной силе его творчества. Невозможно не восхищаться мастерством, с которым Чехов раскрывает человеческую душу или описывает природу. Особенно поражает меня его «Степь», полная символами красок и звуков.

Всегда волнует меня и драматические произведения Антона Павловича, когда я перечитываю их или смотрю в театрах. Они для меня источник жизненной силы и энергии. Да только ли для меня? Чехов помогает осознать величие нашего сегодня.

Н. КУЗНЕЦОВ, мичман запаса. г. Таганрог.

СОВЕТСКИЙ ФЛОТ

29 января 1960 г. 3 стр.

На севавтопольской земле

В 1900 году артисты Московского художественного театра поехали в Крым, чтобы показать жителям в Ялте А. П. Чехову спектакль «Чайка», который шел уже в Москве.

Артисты выступали на сценах не только Ялты, но и Севастополя. Как вспоминала артистка МХАТа М. Ф. Андреева, в Севастополе Антон Павлович вместе с А. М. Горьким присутствовал на постановке пьесы Г. Ибсена «Гедда Габлер». В антрактах Чехов и Горький встречались с артистами, делились своими впечатлениями о спектакле.

На снимке: приезд А. П. Чехова в Севастополь в 1900 году.

